

Е.А.Самарская*   **К.Маркс и постиндустриальные социалисты*

Если говорить о коррективах, которые исторические перемены последнего времени заставляют внести в привычные нам интерпретации марксова наследия, то в первую очередь речь должна идти о социализме. Это не означает отхода от философских тем, ибо идея социализма глубоко выросла в марксову формационную теорию, в его трактовку исторической деятельности, в его моральные императивы и т.д. Но чтобы осознать превращения, которые испытывает в настоящее время марксова идея социализма, надо вернуться к истокам, каковые ведут к Великой французской революции, когда в лице Бабефа четко заявил о себе современный социализм, то есть социализм эпохи модерна. Маркс сформулировал философские парадигмы такого социализма.

Первостепенную важность в этой связи имеет выраженное Марксом отношение к философии Просвещения и тем формам социальной жизни, тем общественным институтам, которые были с нею взаимосвязаны. Философия Просвещения предвещала развитие рационализованного общества и рационального человека, каковые и сформировались в полной мере в XIX веке в рамках индустриального капитализма. Причем рационализация общественного мира продолжает развиваться и в XX веке, и в самом конце его, когда начались разговоры о наступлении постиндустриального общества. К рационализированным структурам индустриального капитализма можно отнести науку, промышленное производство, экономический расчет, демократические институты, бюрократические аппараты управления. Все эти феномены рациональны не только потому, что позволяют эффективным путем идти к намеченной цели, они еще вводят в действие некие обобщающие, унифицирующие различные ситуации механизмы, обладают чрезвычайной силой уравнивания, унификации людей и общественных отношений. Машина, которая пришла на смену качественному различию ремесел и дала мощный толчок развитию абстрактного труда, наука, синтезировавшая различные умения и обращенная ко всем в форме всеобщего образования, экономический расчет, оперирующий меновыми стоимостями, бюрократия и демократия – это все реалии уравнивательного порядка, заставляющие человека жить в некоем гомогенном и унифицированном мире: один избиратель равен другому, рабочие при машине взаимозаменяемы и все равны перед деньгами. Но в этом мире всеобъемлющего равенства есть свое неравенство – имущественное, властное, иерархическое, которые и вызывают протесты социалистов.

В этой связи социализм часто выглядит как позиция еще большего равенства, чем то, которое дает буржуазное общество. Так понимал дело Э.Бернштейн, который видел в социализме, по сути, продолжение и развитие традиций либерализма, борьбу за свободу для всех, достигаемую путем осуществления выравнивания в социальной сфере. Однако такое видение не вполне соответствует интенциям марксистского, да и любого социализма, который не хочет быть просто продолжателем начатых либерализмом преобразований. Тут существенным моментом является отрицание последних.

Ведь какова теоретическая и практическая позиция Маркса перед лицом рационализованного мира и стоявшей у его истоков философии Просвещения? Известно, что Маркс был и идейным наследником, и критиком философии Просвещения. Такой же он хотел видеть и позицию социализма в отношении рационализованного мира капитализма. Маркс высоко ценил его научные, производственные, политические достижения, он хотел, чтобы они легли в основание социалистического общества. Одновременно он думал, что социализм явится отрицанием рационализованного капиталистического мира. Такое отрицание он полагал, как все помнят, “снятием”, в гегелевском смысле слова, капитализма, то есть заменой его более высоким типом общества.

Но в таком случае социалистический принцип должен быть способен вызвать самостоятельный способ социальной жизни, общественную структуру, способную к функционированию и развитию. То есть он должен быть столь же или даже более сильным и жизнеспособным, чем принцип капиталистического общества. Однако и до сих пор социализм не смог привести к самостоятельной и жизнеспособной общественной системе. В XIX веке он вызвал к жизни разного рода кооперативы, коммуны, которые бывали недолговечны, в XX веке социализм как будто привел к созданию устойчивой и грандиозной по масштабам общественной системы. Но и она, как оказалось, не имела вполне самостоятельного характера. Наиболее хорошо эту особенность социализма осознала европейская социал-демократия, которая в результате ограничилась реформистской деятельностью, поначалу считая это вынужденной обстоятельством позицией, а затем придав ей и теоретическое звучание. Главным в этом плане было отказаться от марксовой идеи социального прогресса,

включавшей прогноз о смене капитализма социализмом как более высокой ступенью прогресса. Это и было сделано, и социал-демократия, таким образом, признала, что не считает социализм самостоятельным жизнеобразующим принципом.

В случае социал-демократии это очевидно, но и история советского социализма может быть перетолкована таким же образом. Сам вопрос о советском социализме полемичен, можно спорить на тему о том, насколько он был адекватен проекту Маркса, был ли он подлинным или неподлинным социализмом. Мы эти вопросы оставим в стороне, приняв, что каким бы ни был советский социализм, он стремился все же воплотить положения вышеупомянутой марксовской формулы социализма: он хотел перенять производственные, технические, научные достижения капитализма и в то же время быть его отрицанием. Но оказался он в результате таких стараний не впереди капитализма и даже не на одном с ним уровне, а где-то ниже, будучи, вероятнее всего, особым способом индустриализации в России и ряде других стран. Достигнув определенного уровня индустриальной зрелости, российская экономика обнаруживает тенденции сближения с западной экономической системой.

Итак, и советский социализм, и европейская социал-демократия равно демонстрируют, что в своем отрицании капитализма они остались с ним связаны, если они и хотели оторваться от него (СССР), то сила притяжения капитализма оказалась слишком велика и они оставались в границах этого притяжения. Наша задача – уяснить, может ли ситуация сложиться иначе. Это заставляет заново всмотреться в социалистический принцип равенства, в котором концентрируется на деле и суть социалистического отрицания капитализма, и позитивное содержание социализма. Указанный принцип равенства фактически является антитезой рационализму капиталистического мира и более того, всей системы рационализации эпохи модерна. Его смысл может быть обозначен как исключение из системы рациональности и целесообразности в гуманистических целях. Если не ставить ему ограничения, он уже в социал-демократическом варианте несет угрозу полного разрушения капитализма. Но это не значит, что он может лечь в основу другой прочной общественной системы, вернее, его судьба оставаться прикованным к капитализму и модерну.

Социалистический принцип равенства требует не столько равенства, сколько пристрастного отношения к трудящимся, его сторонники хотят, по сути, для последних исключения из системы рационализма, хотят отвоевать место для нерациональных решений в рамках рационализированной общественной системы. Индустриальный социализм имел четко выраженный пролетарский характер, вся его программа действий ориентирована на осуществление мероприятий в интересах пролетариата, пусть хотя бы внешне. Гегель и Маркс думали, что можно преодолеть антитезу рационализма и жизни (качественной определенности, например, труда) в некоем высшем синтезе. Отстаивать качественные приоритеты, оставаясь в рамках рационализированного мира, можно, лишь добиваясь расширения зон нерационального поведения. Такой смысл имеет борьба социалистов за гуманизацию капиталистического мира. Наиболее радикальными представителями индустриального социализма, какой была, например, Р.Люксембург, социализм мыслился как полное изгнание принципа эффективности, рациональности из жизни общества. Поэтому она считала, что в социалистическом обществе не нужна наука политическая экономия. По сути, советская система хозяйствования и была практикой уничтожения критериев эффективности. Так понятый социализм вряд ли может породить самостоятельные и стабильные структуры общественной жизни. Это было верно для индустриального социализма и кажется верным для постиндустриального социализма.

Индустриальный социализм выдвинул в лице пролетариата первого претендента на исключение из правил рационального расчета. Технологическая, экономическая, политическая эволюция современного мира, весь комплекс явлений, в которых видят иногда свидетельство перехода к постиндустриальному миру, показывает, что пролетариат перестает быть главным претендентом на исключительность и что, наряду с ним, настоящим становится признание исключительных прав и других групп населения.

Здесь нет нужды в полном описании отличий постиндустриального мира от индустриального, достаточно ограничиться указанием на три его особенности, касающиеся социальной сферы. Прежде всего, в результате технологических новшеств происходит значительное численное сокращение занятого в промышленности пролетариата, и он, кроме того, деспециализируется, его роль на производстве сводится к выполнению простейших манипуляций с автоматами. Такому пролетариату, как доказывает А.Горц, уже не приходит в голову, что он может стать хозяином производства, что он является главным лицом на производстве. Вторая особенность, тоже связанная с резким

возрастанием роли в обществе науки и техники, состоит в формировании нового правящего слоя – технократов, которые направляют ход экономического развития и инвестиций. Эту мысль уже в шестидесятые годы с силой выразил А.Турен. Наконец, третий момент, который необходимо отметить, заключается в формировании антагонизма между технократами и основной массой населения, зависящей от решений технократов и спорадически порождающей разного рода протесты против технократических решений. Эту оппозиционную массу обозначают часто в социалистической и социологической литературе как “социальную периферию”.

Некоторые утверждают, отождествляя понятия “социалистический” и “пролетарский”, что применительно к этому новому миру нельзя уже говорить о социализме, а только о постсоциализме. Тем не менее определенные социалистические позиции можно выделить. Постиндустриальных социалистов характеризует крайне резкая критика капитализма – настолько радикальная, что она заставляет их во многом порвать с Марксом, который, с их точки зрения, еще разделял многие буржуазные убеждения. Критицизм в отношении Маркса связан прежде всего с его положительной оценкой просвещенческого рационализма и достижений буржуазного общества. Маркс, с точки зрения его критиков, придавал еще слишком безусловную ценность производственному, научному и техническому прогрессу. В этом плане критикует Маркса, например, Корнелиус Касториадис.

Его возражения вызывает идея Маркса, что наступление социализма связано с развитием производительных сил в условиях капитализма. Касториадис начинает критику Маркса с того, что ставит ему в упрек понимание техники как “нейтрального” в отношении других социальных институтов явления, так что одна и та же техника оказывается пригодна и для капитализма, и для социализма. И в какой-то степени упрек Касториадиса имеет основания. Маркс связывал перспективы социализма с техникой более масштабной и мощной, чем уже существующая, требующей такой огромной концентрации капиталов, каковую не могут обеспечить частнособственнические отношения. В этом смысле можно сказать, в духе Касториадиса, что Маркс предусматривал лишь количественное увеличение производительных сил при переходе к социализму, а не принципиальное изменение их характера и, следовательно, приходил к точке зрения “нейтральности” техники. Но предусматривавшаяся Марксом линия развития производительных сил была верной для XIX и большей части XX века, и только информационная революция конца века поставила под вопрос указанную линию развития и в результате стало ясно, что Маркс оставался в плену старой техники и ее императивов.

Со своей стороны, постиндустриальные социалисты выражают уверенность, что техника, требующая частичного труда, дифференциации трудовых функций, производственной иерархии, не может служить базой социалистических поисков. Интересно отметить, что такие мысли о несовместимости социализма с сохранением производственной иерархии высказывал уже Бернштейн. Он, конечно, не знал еще, что технику можно выбирать, он ставил задачу открыть “товарищеские” формы организации труда. Что касается постиндустриальных социалистов, то Горц, например, писал в семидесятые годы о необходимости “инверсии орудий производства” для осуществления в обществе социалистических начинаний. Он мечтал о таких орудиях производства и такой организации труда, которые бы соответствовали масштабам квартала или коммуны и могли быть контролируемы локальными и региональными коллективами производителей. После крушения советской системы он особенно категоричен в отрицании того, что можно базировать социализм на технике, аналогичной капиталистической.

Постиндустриалы критикуют Маркса и за его апологию пролетариата и труда. С точки зрения А.Горца, индустриальный пролетариат не имел призвания к социалистическому переустройству общества. Как уже отмечалось, такое мнение связано с констатацией, что реальный пролетариат в индустриальную эпоху подчинен жесткому разделению труда, включен в систему производственной, экономической, административной иерархии и как бы несет внутри себя названные общественные условия, может существовать только вместе с ними. Это доказал опыт российской социалистической революции, в результате которой пролетариат по-прежнему оказался низшим звеном производственной и административной иерархии. Задумываясь о происхождении и значении предложенной марксистами социалистической альтернативы капитализму, Горц делает вывод, что в ней получили выражение, по сути, не реальные интересы пролетариев, а философская идея гегелевского происхождения о труде как сущности человеческой истории. Отправляясь от нее, Маркс и развил концепцию отчуждения труда и неизбежной ликвидации этого отчуждения в результате социалистической революции. В итоге труд должен был стать признанной доминантой истории.

Горцу кажется, что такое “поэтическое” представление о труде еще могло существовать в индустриальную эпоху, когда ценность труда, производства, научного прогресса была объектом абсолютной веры. Но в конце XX века все изменилось, стало ясно, во-первых, что производственная деятельность имеет часто негативные последствия для экологии, во-вторых, что труд большинства людей не служит и не может служить реализации их личности, что рабочий в настоящее время стремится реализоваться как личность не в труде, а скорее за его пределами, в сфере досуга, быта, человеческих отношений. Вообще постиндустриалы имеют тенденцию рассматривать человека и его социальные конфликты не сквозь призму труда, а в более широком плане как потребителя, жителя, агента культурного общения и т.д. Это означает почти полную трансформацию социалистической мысли, распростившейся со своими прежними идолами – трудом и пролетариатом.

Итак, ясно уже, что постиндустриальные социалисты радикальнее, чем Маркс, отрицают рациональные институты буржуазного общества и вообще модерна. Это было показано в отношении техники, производства, но то же относится к другим рационализациям – в экономике, политике и т.д. Представление об этом тотальном их противостоянии общественным рационализациям капитализма дает позиция Ж.Элюля. Он во всей общественной жизни Запада видит технику: технику в собственном смысле слова и технику в широком смысле слова, под которой он имеет в виду все проявления организации, рационализации в общественной жизни. Уже в работе 1954 г. “Техника или ставка века” Элюль доказывал, что экономическая, политическая сферы образуют определенные технические системы, то есть в них утрачивает значение свободная воля людей и господствует рациональный подсчет. Современное государство функционирует как машина, не столько воля правителей, политических деятелей лежит в основе политических актов, сколько решения экспертов относительно современного состояния государства и его перспектив. В будущем, думал Элюль, политические действия станут просто спектаклем и формальностью, утратят реальную силу, их заменит “игра техник”. В конце восьмидесятых годов его взгляды на эти вопросы принципиально не изменились, он по-прежнему уверен, что в современных обществах правят технократы, которые убеждены, что техника может решить все человеческие проблемы, обеспечить людям свободу и счастье, демократию и справедливость. На деле техника все более подчиняет себе человека, она доминирует повсюду, общества в целом управляются согласованной силой науки и техники.

Возникает, однако, вопрос: какой позитивный смысл скрыт за столь радикальным отрицанием рациональных структур буржуазного общества? Ответ может быть таким: подобно тому, как индустриальные социалисты отрицали капитализм в целях защиты прав конкретного социального слоя – пролетариев, так сегодня постиндустриалы отстаивают права на существование со стороны тех, кто занимает зависимое положение в отношении рациональных институтов общества. Говоря более обобщенно, рационализацию они стремятся подчинить целям защиты качественной определенности людей. А.Горц говорит в этой связи о праве на автономию со стороны населения, испытывающего на себе последствия принятых технократами решений, А.Лефевр заявляет в противовес господству рациональности о правах “живого”, К.Касториadis подчеркивает гетерогенную природу человеческих существ, их несоизмеримость и интегральность, А.Турен заявляет о правах разного рода идентичностей (женщины, молодежь, старики, этнические меньшинства, угнетенные центральным правительством регионы).

Как и Маркс, постиндустриальные социалисты и даже постсоциалисты используют понятие отчуждения для обозначения положения большинства населения в рационализированных обществах. Но смысл этого понятия у них иной, чем у Маркса. У него отчуждение касалось прежде всего процесса труда, вообще деятельности субъекта и ее продуктов и состояло в том, что последние становились внешними, чуждыми, враждебными действующему субъекту. У постиндустриальных социалистов исчезает акцент на труде и даже деятельности в широком плане, отчуждение ставится ими в соотношение со всей человеческой личностью и всей ее жизнью. Если Маркс рассматривал отчуждение как форму господства капитала над трудом, то постиндустриальные социалисты видят отчуждение во всестороннем подчинении человека технобюрократическим структурам. Дальше, Маркс мыслил освобождение от отчуждения в виде присвоения рабочим всей совокупности общественной жизни, постиндустриалы видят возможность освободиться от социальных рационализаций лишь за пределами рационализированных институтов.

Такое решение вопроса об отчуждении свидетельствует о том, что социализм в известной мере маргинализируется. Не желая иметь ничего общего с рационализированным капиталистическим миром, он сам очень часто очерчивает свою принадлежность к периферии этого мира. Сказанное

лучше всего можно подтвердить теорией “дуального общества” А.Горца, изложенной им еще в 1980 году. Эта теория сформировалась у него под влиянием разочарования в возможности построения особого социалистического общества в связи с наблюдениями над жизнью в СССР.

Он с горечью замечал тогда, что “История не имеет смысла”¹, она никуда не идет, невозможен никакой глобальный проект общества. Все, что осталось социалистически ориентированным движением, – это завоевать рядом с существующим обществом некие пространства “автономии” для человека, пространства, которые вычтены из “продуктивистской и торговой рациональности”². Подобное решение, как понимает Горц, не вытекает ни из какой материальной, исторической необходимости, оно может основываться лишь на свободном решении индивидов.

Резко разделив сферы человеческой “автономии” и “гетерономии” (под “гетерономной” сферой он имеет в виду мир социально необходимого труда и обслуживающего его государства), Горц порывает с убеждением социалистов марксистской традиции о возможной гармонии социального и индивидуального начал. Развитие истории идет, считает он, в другом направлении. Система общественного производства, территориального и социального разделения производственных функций, совокупность государственных институтов чужды индивиду, представляет для него систему анонимных функций и безличностных отношений. В этой связи социализм может стремиться лишь создать и расширить сферу автономной деятельности людей. Причем последняя кажется ему единственной подлинной областью морали, тогда как в сфере гетерономии царят социальные нормы. И между тем Горц думает, что следует добиваться подчинения сферы “гетерономии” сфере “автономии”. Более того, “гетерономная” сфера может служить поддержкой сфере “автономии”: в ней создаются орудия, необходимые для автономного труда, она освобождает индивидов от чрезмерного влияния семьи и “общностей”.

Однако наряду с достаточно маргинальными для настоящего времени феноменами автономных кооперативов и коммун, свободных от экономического расчета, Горц отметил и более существенную возможность для воздействия социализма на эволюцию современного капитализма, а именно через сферу культуры и морали. Здесь социализм может развивать темы свободы от рациональных мотивов человеческой деятельности, утверждать гуманистическую нерациональную мораль. Но отрицание рационализма, утилитаризма – это одна сторона проповедуемой постиндустриальными социалистами морали. Другая, позитивная сторона такой морали – защита “различий”, “своеобразия”, разного рода “идентичностей” от поглощения их рациональными общественными структурами. Здесь, правда, перед постиндустриальными социалистами возникает необходимость отмежеваться от консервативных течений. Опасность сближения с консерватизмом подстерегала социалистов нередко, это не новая для них проблема. Постиндустриалы хотят решить ее указанием на то, что защищают не традиционные “партикулярности”, а те “различия”, которые сформировались в рамках модернистских обществ и вынуждены обороняться от угрозы их уничтожения, исходящей от рационализированных структур. В этом плане даже такой пессимист в вопросе о возможности для человека освободиться от власти техники, от социальных рационализаций, как Ж.Элюль, возлагает надежды на культуру и мораль. Человек, думает он, должен освободиться от привычных ценностей продуктивизма, потребительства, успеха, престижа, власти, чтобы обрести высокую мораль бескорыстия и свободу. Кстати, и Элюль, и Касториadis, и Горц объявляют главным социалистическим идеалом свободу, что отличает их от индустриальных социалистов, делавших акцент скорее на “равенстве” и считавших последнее путем, ведущим к свободе. Если главную интенцию индустриальных социалистов можно выразить формулировкой “к свободе через равенство”, то постиндустриальные социалисты тяготеют к формулировке “равенство через свободу”. Культура и мораль такого плана могут распространиться, как думает Элюль, лишь вследствие огромной “культурной мутации”, сродни той, которую некогда осуществило христианство. Элюль пишет, что проповедуемый им “социализм свободы” имеет перед собой пример Христа, который явил своей жизнью идеальный тип человека: бескорыстное отношение в любви, самоотречение, выбор не-власти и свободы.

Кроме обращения к кооперативам и коммунаам, кроме надежд на культурную мутацию у постиндустриальной левой есть в запасе и более действенный рычаг социального освобождения. Это территориальное самоуправление. В этой теме вновь проступает забота постиндустриалов отстаивать право на “различие”, защитить “идентичности” перед лицом процессов общественной централизации. Идея о территориальном самоуправлении была последовательно развита А.Лефевром в его работе “О государстве”. В истории индустриального социализма возникали порой движения и

теории рабочего самоуправления. Точка зрения Лефевра отличается от них идеей о необходимости учета и выражения в политических структурах интересов территорий. Она ориентирована на выражение интересов “социальной периферии”, будь то в международном плане или внутри государства, где также всегда есть господствующий центр и зависимая периферия. Более того, даже классовые антагонизмы Лефевр считал возможным выразить в понятиях господствующего и подчиненного пространства (пространство центров принятия решений и пространство, в котором живут социально угнетенные слои). В своем стремлении защитить различия от унифицирующего влияния центра Лефевр настаивает на трансформации современного государства в духе “пространственной демократии”. С этой точки зрения пространственные политические структуры должны заменить собой “абстракции” представительной демократии, что откроет путь прямой демократии и самоуправлению.

В заключение следует отметить, что, ориентируя социальное движение на борьбу с рациональными институтами, современные социалисты не хотят привести к ситуации домодернистского общества. При всем своем разрыве с Марксом, новейший социализм следует сформулированному Марксом принципу, что отрицание капитализма (модерна) должно сочетаться с сохранением его достижений. Но в отличие от Маркса представители этого социализма в большинстве считают, что зоны социалистических отношений основываются не вместо капитализма, а вместе с ним, как накопление зон нерационального поведения в рамках рационализованного общества. Исключение составляют, может быть, небольшие группы экологических радикалов, которых вдохновляет перспектива жизни в маленьких общинах, чуждых производственному росту и научно-техническим новшествам. В целом же социализм в тех странах, где сложились традиции социалистического мышления и действия, выполняет сейчас, как и ранее, объективную задачу приспособления рационализованных общественных структур к требованиям, исходящим со стороны социальной периферии. Или можно сказать иначе: он помогает адаптации непривилегированных групп населения к рационализованным структурам современных обществ. В результате на вопрос, который был сформулирован в одном из докладов в отношении Маркса и который можно переадресовать социализму в целом – утопия он или наука, можно ответить, что социализм не утопия и не наука, а перманентная критика капитализма, направленная на его гуманизацию. Так история в настоящее время перетолковала социалистический проект Маркса.

1 *Gorz A. Adieux au proletariat. Paris, 1980. P. 102.*

2 *Ibid.*